

Б.А. Прокудин

**Социально-политический идеал
И.С. Тургенева 1840–50-х гг.
(на материале сборника «Записки
охотника» и рассказа «Муму»)¹**

В этой статье предпринята попытка показать, как основные социально-политические концепты Ж.-Ж. Руссо повлияли на И.С. Тургенева. Анализ сборника «Записки охотника» и рассказа «Муму» с точки зрения влияния на них идеи естественного человека Руссо дает возможно уточнить специфику отношения Тургенева к крестьянскому вопросу накануне отмены крепостного права. Разделяя исходное представление Руссо об «отпадении человека от природы» и желание вернуться к «первоначальному природному единству», Тургенев пришел к противоположным политическим выводам: республиканизму учителя он противопоставил «дворянский» либерализм. И, анализируя сборник «Записки охотника» и рассказ «Муму» сквозь призму идей

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00344. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-311-00344.

Руссо, можно выделить основные черты социально-политического идеала Тургенева накануне Великих реформ.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, «Записки охотника», «Муму», Ж.-Ж. Руссо, «дворянский» либерализм, крепостное право, Великие реформы

«Записки охотника» пользовались огромной популярностью. Только при жизни Тургенева и только на родном ему языке они перепечатывались полностью или по частям свыше 120 раз. Сложно говорить о суммарном тираже всех этих публикаций, но очевидно, что «никакое другое произведение Тургенева и всей современной ему литературы не получило столь же массового распространения в России, не вызвало к себе настолько широкого интереса во всех слоях населения, не пользовалось таким продолжительным и устойчивым спросом, как эта книга» [Громов, 1991, с 532]. Ходили слухи, будто бы сам Александр II признался, что «Записки охотника» Тургенева были одним из главных двигателей его крестьянской реформы. А М.М. Ковалевский в своих «Воспоминания об И.С. Тургеневе», впервые напечатанных в 1883 г., утверждал, что «некоторые англичане и французы до сих пор не прочь думать, что крестьян освободили у нас потому, что Тургенев написал свои “Записки охотника”» [Ковалевский, 1983, с. 138].

«Коротенький отрывок в прозе», как определил автор свой очерк «Хорь и Калиныч», был напечатан как будто бы только из-за нехватки серьезного материала для первого номера «Современника» за 1847 г. в отделе «Смесь». И сразу был замечен читателями и критиками. Успех «Хоря» мотивировал автора на создание целой серии «охотничьих» рассказов. Отдельное издание «Записок охотника», итог почти пятилетнего сотрудничества Тургенева с «Современником», было выпущено в 1852 году.

Принято считать, что «Записки охотника» — это яркий протест против крепостного права в России. Известно, что

Тургенев крепостное право называл «личным врагом». И в большей части рассказов сборника повествуется о быте русских бесправных крестьян с позиции гуманизма. Однако задача этой статьи — разобраться, какими социально-политическими соображениями руководствовался автор, когда писал «Записки охотника», реконструировать основные черты общественного идеала Тургенева, нашедшего отражение в рассказах сборника.

М.О. Гершензон в работе «Мечта и мысль И.С. Тургенева» высказал соображение, что в основании творчества Тургенева и Толстого лежит одна и та же идея. «Мы безотчетно знаем их как бы представителями двух противоположных типов человека, — писал Гершензон. — Но странно: исток их мышления был один. Как раз в ту решающую пору, когда юноша начинает в сознании, как в зеркале, отчетливо различать свой природный образ и свое назначение, загадка жизни предстала обоим в одном и том же виде, свелась у обоих к одному и тому же вопросу <...> человек выпал из природного единства и вследствие этого отпадения slab, несчастен, уродлив; как сделать, чтобы вернуться в природу? Все дальнейшее мышление Тургенева и Толстого, и разумеется также все их позднее творчество, лишь последовательно развертывали этот вопрос по двум расходящимся линиям» [Гершензон, 2000, с. 586].

Нам представляется, что ответить на вопрос, почему столь разные писатели демонстрировали « тождество исходной мысли », можно при социально-политическом рассмотрении их творчества. Тургенев и Толстой идеалами юности были связаны с руссоизмом, возможно, отсюда и схожесть. Разумеется, объяснить «исток мышления» двух великих писателей влиянием на них идей исключительно Ж.-Ж. Руссо было бы неправильно, однако взгляд на их ранее творчество через призму идей Руссо представляется перспективным. Кстати, Толстой в письме 1905 г. признался: «Руссо был моим учителем с 15-летнего возраста.

Руссо и Евангелие — два самые сильные и благотворные влияния на мою жизнь» [Толстой, 1984, с. 582]. «Семена, заброшенные Руссо, дали обильные плоды в душе Толстого, — писал В.В. Зеньковский в «Истории русской философии», — с известным правом можно было бы изложить все воззрения Толстого под знаком его руссоизма» [Зеньковский, 2011, с. 378].

«Все» воззрения Тургенева изложить «под знаком руссоизма» значительно сложнее, тем не менее, в юности он так же был увлечен его идеями. Потрясенный искренностью и глубиной самопознания «Исповеди» Руссо в семнадцатилетнем возрасте Тургенев задумал написать свою автобиографию: «Я хочу написать все, что я знаю о себе, — всю мою жизнь. Для чего я это делаю — две причины. Во-первых, читал недавно “Les Confessions” de J.J. Rousseau. Во мне возродилась мысль написать свою Исповедь» [Тургенев, 1978а, с. 401].

Но эту задумку Тургенев так и не осуществил, а идеи Руссо в наибольшей степени нашли отражение в его цикле рассказов «Записки охотника». Попытку интерпретировать «охотничий» сборник при помощи идей Руссо предприняла в монографии «Тургенев о правах человека в “Записках охотника”» Л.И. Скокова. Анализируя образ рассказчика, она писала: «“Странный охотник” — “человек природы”, а не “цивилизации”. <...> Эта неразрывность с природой особенно явственно представляется при встречах с крестьянами. И через эту природно-эстетическую призму и преломляются все истории, о которых он повествует» [Скокова, 2005, с. 54–55]. Действительно, такое «единение» рассказчика с природой отсылает нас к учению Руссо о естественном состоянии. Скокова в своем исследовании сосредоточилась на художественно-философских основах изображения человека и природы в «Записках охотника», мы же попробуем пойти дальше и показать, как идеи естественного состояния и естественного

человека, нашедшие отражение во многих рассказах цикла, связаны с представлениями Тургенева о необходимых преобразованиях российского общества.

Свою идею о естественном состоянии и естественном человеке Руссо впервые высказал в трактате «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1754). Вопреки Томасу Гоббсу и Джону Локку, мыслителям, которые, по сути, строили предположения, как современный им человек мог бы себя вести в эпоху до появления государственных учреждений, Руссо полагал, что человек на протяжении истории менялся, эволюционировал, и в естественном состоянии, до того, как он освоил всевозможные умения, от языка до сельского хозяйства и металлургии, он был совсем другим.

Естественный человек был физически крепче современного человека, желания его не превышали его физических потребностей, а главное, он не был зол от природы. Только в процессе долгой истории, человек наконец «совершенствовался», создал сначала более или менее органичное «общество дикарей» и затем — современное государство. Но в результате «прогресса» необратимо изменилась сама его природа. Человек больше не мог существовать без новых «костылей» (жилища, языка, общения). Его естественные страсти стали проходить через рефлексию, теряя свою непосредственность. На смену жалости пришла мораль, любовь превратилась в тщеславие и т.д.² Одним словом, приход цивилизации на смену естественного состояния Руссо описывает как потерю первоначальной гармонии.

Важно сделать уточнение, что натурализм Руссо не опирался на материалистическое мировоззрение, а был идеалистическим или религиозным. Знаменитый лозунг Руссо «Вернемся к природе!» правильно понимать как этич-

² См.: [Руссо, 2000, с. 112]

ский призыв «восстановить нравственный облик человека, предначертанный всеблагой природой». Противопоставление «природа» — «культура» было тождественно у Руссо противопоставлению «деревня» — «город». Жизнь в городских условиях калечит людей как физически, так и морально. Соответственно, противопоставление деревни и города тоже имело у Руссо этический характер, то есть понималось как антитеза нравственного уклада сельчан и безнравственности горожан.

Несмотря на уверенность, что «счастье позади нас», Руссо был оптимистом. Естественный человек, конечно, не может быть воскрешен, но «человек общественный», по мысли Руссо, существо еще не полностью потерянное. Он может быть приближен к идеальному состоянию посредством «натурального» метода воспитания. Но это больше касается детей. Людям уже «испорченным» цивилизацией Руссо советовал, по выражению М.Н. Розанова, «обратиться с полной симпатией к тому сословию, которое всего ближе подходит к этому идеалу, — к крестьянству» [Розанов, 1910, с. 67]. Ведь наиболее органичное состояние для человека, как считал Руссо, — обрабатывать землю и жить ее плодами: «Сословие земледельцев — единственно необходимое и самое полезное; человек в нем становится несчастным, лишь когда его тиранят, измываются над ним, разворачивают его примером своих пороков» [Руссо, 1968, с. 496]. Это слова из романа «Новая Элоиза» и, кажется, они могли бы стать эпиграфом к «Запискам охотника» Тургенева.

Тургенев восхищается крестьянством совершенно руссоистски, как сословием, которое «всего ближе к идеалу». И искренне грустит, описывая факты «тирании». «Изучайте людей этого состояния, — призывает Руссо, — и вы увидите, что у них столько же ума и больше здравого смысла, чем у вас, хотя речь у них и иная» [Руссо, 1981, с. 264]. Это уже слова из романа «Эмиль». И можно сказать, что

Тургенев откликается на его призыв. Под видом охотника, для которого нет неподобающих мест, он идет туда, где дворяне обычно не бывают: слушает певцов в сельском кабаке, ночует с мальчишками-пастухами на лугу, просит ночлега на сеновале, встречает крестьян в полях и лесах.

Одним словом, если мы посмотрим на содержание сборника «Записки охотника» с точки зрения идей Руссо, то увидим, что Тургенев хранит верность заветам учителя юности, а его этический принцип предпочтения деревни (крестьянского мира природной гармонии) городу (в случае Тургенева — дворянскому миру цивилизации) делает методологическим основанием своего «исследования» русской жизни.

В общем виде «схему Руссо» у Тургенева можно представить в качестве прямой, на одном конце которой будет условное «единство с природой» (наибольшая близость к естественному состоянию), на другом, — «поглощенность цивилизацией» (максимальная удаленность от естественного состояния). Причем единство с природой для людей будет означать «абсолютную» гармонию, индивидуальность, силу, счастье и красоту. А поглощенность цивилизацией — рефлексию и «отщепенство» (термин Гершензона), стереотипность поведения, слабость, отсутствие счастья и красоты. Всех основных персонажей «охотничьего» цикла мы можем разместить на этой прямой, и неизменно единство с природой будет характеризовать крестьян, а поглощенность цивилизацией — дворян.

Пожалуй, ближе всего к природному идеалу в «Записках охотника» можно поставить, карикатурного на первый взгляд, философа Касьяна («Касьян с Красивой Мечи»). Касьян почти «слит» с природой, он будто часть природного ландшафта: «В низких кустах, “в мелочах”, и на ссечках часто держатся маленькие серые птички <...> Касьян их передразнивал, перекликался с ними; поршок полетел, чиликая, у него из-под ног — он зачиликал ему

вслед; жаворонок стал спускаться над ним, трепеща крылами и звонко распевая, — Касьян подхватил его песенку. Со мной он все не заговаривал...» [Тургенев, 1991а, 82]. Несмотря на то, что Касьян так далек от рефлексии, что даже не может ответить на вопрос, чем он занят, интуитивно он чувствует, что хорошо, а что плохо. Охоту он ставит в упрек «цивилизованному» рассказчику, который стреляет вольного коростеля «для потехи». И нет в современном обществе ни правды, ни справедливости: «Много других христиан в лаптях ходят, по миру бродят, — говорит он, — правды ищут... да!.. А то что дома-то, а? Справедливости в человеке нет, — вот оно что...» [Тургенев, 1991а, с. 86].

Чуть дальше от Касьяна, на прямой от «единства с природой» к «поглощенности цивилизацией» можно расположить мудрого Хоря («Хорь и Калиныч»), Акулину («Свидание») мальчишек-пастухов («Бежин луг»), мрачного лесника Бирюка («Бирюк»), Сучка («Льгов») и др. Одни из них больше приобщены к цивилизации, другие — меньше, но в целом, все они находятся на стороне «деревни» и получают максимальное сочувствие автора.

Ближе всего к обратному идеалу мы можем поставить героя рассказа «Гамлет Щигровского уезда». В отличие от Касьяна с Красивой Мечи, обладавшего яркой индивидуальностью, герой этого рассказа считает себя настолько лишенным индивидуальности, что не раскрывает «охотнику» своего имени. Руссо писал, что горожане — обезличенны, «каждый хочет показаться таким же, как другие». Следование общей интеллектуальной моде поколения, по мысли героя рассказа, является его главной и наиболее ненавистной чертой: «Во-первых, я говорю по-французски не хуже вас, а по-немецки даже лучше; во вторых, я три года провел за границей: в одном Берлине прожил восемь месяцев. Я Гегеля изучил, милостивый государь, знаю Гете наизусть <...> Я тоже заеден рефлексией, и непосредственного нет во мне ничего» [Тургенев, 1991б, с. 189]. И далее: «Что мне

в том, что у тебя голова велика и уместительна и что понимаешь ты все, много знаешь, за веком следишь, — да своего-то, особенного, собственного, у тебя ничего нету! Одним складочным местом общих мест на свете больше, — да какое кому от этого удовольствие? Нет, ты будь хоть глуп, да по-своему! Запах свой имей, свой собственный запах, вот что!» [Тургенев, 1991б, с. 191].

Чем ближе человек к естественному состоянию, тем менее он «удален от счастья», писал Руссо. «Неоригинальный» Гамлет Щигровского уезда, получивший типичное дворянское воспитание, учившийся в университете, как все, постигший абстрактную немецкую философию, даже влюбившийся, как того требовал культурный образец, в чахоточную деву, чувствует себя глубоко несчастным человеком: «Еще до сих пор цела балка в грунтовом моем сарае, — говорит он, — на которой я неоднократно собирался повеситься!» [Тургенев, 1991б, с. 196]. То есть невозможность человека «испорченного» цивилизацией вырваться за рамки культурной и общественной нормы герой рассказа переживает как личную трагедию.

Среди персонажей-дворян только Гамлета можно назвать «осознанным отщепенцем». Подавляющее большинство представителей высшего сословия не осознают своего отпадения от природы, живут в цивилизованном мире неестественных отношений и становятся предметом тургеневских насмешек. Типичные дворяне, как «аристократы», так и мелкопоместные, смешны Тургеневу своим желанием соответствовать общественной норме. Галерею таких неосознанных «жертв» цивилизации мы можем наблюдать в рассказах «Два помещика», «Мой сосед Радилов», «Лебедянь», в первой части рассказа «Гамлет Щигровского уезда» и др.

В «Записках охотника» есть ряд персонажей, которых можно назвать переходными, они не принадлежат к высшему сословию, но стремятся жить в цивилизованном мире дворян. Наиболее ярко такой характер обрисован в

рассказе «Свидание», где «избалованный камердинер молодого барина», уезжая со своим хозяином жить в Петербург, прощается с любящей его крестьянской девушкой. Основой рассказа Тургенев делает контрастное описание простой деликатной Акулины и черствого, равнодушного и самовлюбленного камердинера, убедительно проводя мысль Руссо о том, что современное общество калечит душу человека, извращает его природные качества, нарушает естественное равенство между людьми.

Представление Тургенева об уродливости любой попытки «отнять» крестьянина от естественной природной среды помогает нам лучше понять специфику его борьбы с крепостничеством в России. Действительно, Тургенев в юном возрасте принес свою «Аннибалову клятву» бороться с крепостным правом до конца. В «Записках охотника» он «реабилитировал» простого человека — русского крестьянина, подчеркивая, что по «духовному складу» он ничем не отличается от образованного человека и даже часто превосходит его мудростью и благородством. Продолжая идеи Руссо, Тургенев хотел положить конец «тирании» дворян в отношении крепостных, вернуть им человеческое достоинство и неотчуждаемые права, он также не был сторонником «прогрессивных» форм хозяйствования, которые бы отдалили крестьян от естественного состояния.

В этом отношении показательна записка «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», написанная в 1842 г., в которой Тургенев защищает «простодушную патриархальность» крестьянской жизни и пишет, что земледелие, в отличие от промышленности, «должно бытьочно и незыблемо, как сама земля, и, не даряя излишнего, вполне обеспечивать жизнь хлебопашца. <...> а потому фантазии некоторых утопистов, желающих насильственно втянуть земледелие в круг промышленности, т.е. пахать землю паровыми машинами, устраивать компании для возделывания земель, словом, уничтожить

класс хлебопашцев — такие фантазии и безрассудны и безнравственны» [Тургенев, 1978б, с. 422]. Вырванные из первозданного быта крестьяне, в логике Руссо, как камердинер молодого барина из рассказа «Свидание», обязательно превратятся в пародию на самих себя, потеряют естественность, достоинство и силу.

В сборнике «Записки охотника» Тургенев изображает крестьян людьми, терпящими несправедливость со стороны помещиков, угнетенными, но все-таки представителями самого крепкого русского сословия. В понимании Тургенева, крепостное право нужно отменять с осторожностью. Поэтому в записке «Несколько замечаний...» он пишет: «Разбирай неудобства нашего хозяйства, я с намерением не упомянул *крепостного состояния* наших хлебопашцев. Их так называемое рабство было предметом многих довольно пустозвонных разглагольствований, показывающих часто совершенное неведение истинных потребностей России. Мы желаем законности и твердости в отношении помещиков к крестьянам; законность исключает прихоть владельца, а потому и то, что называют рабством» [Тургенев, 1978б, с. 427].

Читая эти строки, мы можем понять Н.Г. Чернышевского, который, сравнивая «Записки охотника» с более критичными в отношении крестьян очерками Н.В. Успенского, отдавал предпочтение последним. Ему не нравилось, что Тургенев (как и его предшественники, дворянские авторы) «идеализировал мужицкий быт» [см.: Чернышевский, 1950, с. 883-884]. Ведь если быт крестьян ближе всего к чаемому дворянскими интеллектуалами природному идеалу, то существенные изменения его — зло, а сами крестьяне — просто «милые» дети природы, которые даже и не могут помыслить об изменениях. Чернышевскому было приятней видеть крестьян в их грубости и низости, но способными к прогрессу и борьбе за независимое положение, тогда как Тургенев совершенно исключал мысль о воз-

можности ликвидации крепостного права силами самого крестьянства. Гипотеза о естественном состоянии, предложенная Руссо, помогала Тургеневу осудить общественное неравенство, но неравенство только юридическое.

Итак, в основании миросозерцания Тургенева лежал руссоизм и цикл «Записки охотника», возможно, «пропитан» руссоизмом больше, чем все другие его произведения. Однако Тургенев не ставит нигде вопрос о собственности как первопричине социального неравенства. Почему? Складывается впечатление, что Тургеневу больше нравились идеи, выраженные Руссо в художественных произведениях, идиллические картины природы, призывы изучать крестьян. Более же радикальная линия Руссо, его республиканизм, разработанный в трактате «Об общественном договоре», а главное, его критика материального неравенства, предвосхитившая социалистические программы, представленная в трактате «Рассуждение о происхождении неравенства», Тургеневым игнорировалась. При этом руссоистская критика собственности напрямую следовала из его гипотезы о естественном человеке.

Очевидно, что гуманистическая направленность творчества Тургенева имеет общечеловеческое значение, но социально-психологическая форма проявления этого творчества — барская. Поборник равенства всех сословий, Тургенев «сниходит» до крестьян, пытается общаться с ними на равных, и в каждом встречает «кротость и уважение», пользуясь, хоть не желая того, вековыми дворянскими привилегиями.

Есть ошибочное представление, будто Руссо идеалом для современного ему человечества видел то блаженное состояние, в каком, по его мнению, «человек вышел из рук природы». Руссо, действительно, считал естественное состояние достойным ностальгии, но в то же время был уверен, что возврат к нему в буквальном смысле невозможен. Он полагал, что у естественного человека потребно-

сти, чувства и желания были элементарные, несложные. У человека общественного — потребности сложные, искусственные, социальные. Следовательно, счастье естественного человека было бы для нас несчастьем, и наоборот. Возможно, в соответствии с этим взглядом, Тургенев никогда не призывал дворянство «опроститься» и совсем не собирался отказываться от своих материальных привилегий.

Но, возвращаясь к общим чертам политического идеала Тургенева и Руссо, необходимо припомнить то главное, в чем они были согласны. Оба считали, что залогом счастья является полная личная свобода для человека, под которой они понимали «истинную» свободу гражданскую, то есть — права человека.

Сборник «Записки охотника» можно назвать произведением, содержащим художественную «декларацию» прав человека. Но среди ранних антикрепостнических рассказов Тургенева есть еще один, в котором выражен его социально-политический идеал. Это рассказ «Муму», написанный Тургеневым сразу после выхода «Записок охотника» отдельным изданием, в 1852 г. В нем глухонемой дворник нашел собаку, полюбил ее, а потом по приказанию хозяйки — утопил, потому что собака мешала ей спать. Рассказ Тургенева был основан на реальных событиях. Глухонемой дворник в действительности был, и собака была, и жестокая барыня была. Более того, эта барыня была матерью Тургенева.

Но, как правильно писал Тургеневу его друг И.С. Аксаков, совсем не важно, был ли в действительности Герасим. Герасим стал идеальным символом русского народа, его «непостижимой силы и кротости»³, а главное, немоты. А смерть

³ Это письмо И.С. Аксакова к Тургеневу напечатано: Русский Обозреватель, 1894. № 8. С. 475–478 [цит. по: Битюгова и др., 1980, с. 606]. Тургенев написал «Муму» в конце апреля — начале мая 1852 г. и послал его И.С. Аксакову для II тома «Московского сборника», запрещенного цензурой. Рассказ был опубликован в «Современнике» в 1854 г.

маленькой собачки с длинными ушами и выразительными глазами нанесла тяжелейший удар по репутации помещичьей власти в России. И репутации самодержавия в целом.

Но внимательно читая Тургенева, мы увидим, что его отрицание крепостного права связано не только с гуманизмом и состраданием к тяжелой участи народа. «Физическая» власть над своими вассалами, — писал он, — «право самое гнусное, самое возмутительное и в то же время самое опасное» [Тургенев, 1986, с. 538]. Чрезмерное насилие может привести к бунту. Герасим может казаться и глухим, и немым, но «он, разумеется, со временем заговорит», — писал Тургеневу И.С. Аксаков в том же письме, имея в виду русский народ. Заговорит, а может, возьмет вилы. Тургенев это чувствовал.

Важно, что свой рассказ «Муму» Тургенев писал в заключении. После статьи-некролога, посвященной памяти Гоголя, в которой власти усмотрели крамолу, Тургенева на месяц водворили на съезжую. А рядом с камерой, где сидел писатель, была экикуционная комната, где секли провинившихся крестьян. Тургенев постоянно слышал стоны истязания через стенку и писал «Муму». И может быть, поэтому для своего героя он придумал бунт. Герасим по приказанию хозяйки утопил собаку, но тут в нем произошла какая-то перемена, он собрался и самовольно ушел из Москвы обратно, в деревню, откуда его насильно забрали два года назад. Этот уход описан Тургеневым торжественно. В нем сила человеческого достоинства побеждает рабскую преданность.

Но самое поразительное в истории настоящего Немого, который жил у матери Тургенева, состоит в том, что он никуда не ушел. Рассказ Тургенева достоверен во всем, кроме концовки. Немого дворника звали Андрей, он утопил собаку, погоревал, но остался верен своей госпоже до самой ее смерти⁴. А в рассказе происходит бунт. Но это

⁴ См.: [Житова, 1983, с. 50–51]

не пушкинский бунт «бессмысленный и беспощадный», а скорее бархатная революция, сторонником которой был Тургенев. И принципиально важно, что Герасим делает после своего «ухода». Он возвращается в деревню, и «помолясь перед образами, тотчас же отправился он к старосте. Староста сначала было удивился; — пишет Тургенев, — но сенокос только что начинался: Герасиму, как отличному работнику, тут же дали косу в руки — и пошел косить он по-старинному» [Тургенев, 1980, с. 606].

То есть Герасим отстоял свое человеческое достоинство и поспешил вернуться к естественному для себя крестьянскому труду. По сути, это и есть идеал Тургенева. Здесь мы видим отражение той же руссоистской идеи, что и в рассказе «Свидание». Вырванные из первозданного быта крестьяне, в данном случае, дворовые люди, живущие в городе, теряют достоинство и силу, столь свойственную крестьянству. По мнению Руссо, несчастным становятся крестьяне, только «когда их тиранят», «развращают» и заставляют делать что-то противное их природе земледельцев. Герасим преодолел и тиранию хозяйки, и соблазн «цивилизации».

Получается, что в рассказе «Муму» Тургенев довел до логического завершения идеи, которые наметил в «Записках охотника». Крестьяне, в его понимании, — сильны и долготерпимы, но сами влиять на свою судьбу не могут. А способны только на стихийный бунт. Поэтому им нужно даровать права человека, юридическое равенство, отменив крепостное право «сверху». Но ни о каком другом уравнении не может быть и речи, потому что по своей природе они рождены пахать на барской земле.

В «Записке о крепостном праве», которую Тургенев написал в 1857 г. для очерка Луи Виардо «История Дмитрия (Этюд о положении крепостных в России)», он в очередной раз повторил, что держать человека в рабстве — это преступление. Но одна из существенных проблем, с которой стал-

киваются поборники освобождения крестьян в России, — это общее убеждение крепостных, что земля, «на которой умерли их предки и родились их дети», которую они обрабатывают, принадлежит им. Надо было бы дать им понять, пишет Тургенев, что «им не принадлежит ничего: ни поля, ни дома, ни скот; что все это будет им дано взаймы, в пользование владельцу земли, которому они взамен должны будут платить аренду» [Тургенев, 1986, с. 544]. Одним словом, надо освободить крестьян и сдавать им землю в аренду. Тогда помещики «утратили бы только физическую власть над своими вассалами, <...> Но они сохранили бы и даже, быть может, приумножили бы свои приносящие пользу и действительные права, производительность и ценность своих имений» [Тургенев, 1986, с. 538].

Разумеется, при всех парадоксах дворянского либерализма, было бы ошибкой заподозрить Тургенева в том, что его борьба с крепостным правом имела целью «приумножение производительности имения». Он хотел всеобщего блага, как он его понимал, и всеобщего освобождения. Полностью выдуманная финальная сцена рассказа «Муму» — это его собственная ода вольности, высокая поэзия: «Он шел по нем (по шоссе — Б.П.) с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе радостной решимостью. Он шел; широко распахнулась его грудь; гла-за жадно и прямо устремились вперед» [Тургенев, 1980, с. 606]. Над ним поют перепела и коростели, которых глухой никак слышать не мог. И мы понимаем, что это не Герасим, а сам Тургенев в мечтах идет навстречу свободе, потому что он сам пишет это под арестом. И в России середины XIX в. дворянин Тургенев также несвободен, как и его герой, крепостной крестьянин.

В произведениях «Записки охотника» и «Муму» И.С. Тургенев, безусловно, был продолжателем идей Ж.-Ж. Руссо, но республиканизму учителя он противопоставил «дворянский» либерализм. Учитывая, однако, бли-

зость исходных позиций, признание Тургеневым тезиса Руссо о естественном человеке и социальной природе зла, можно сказать, что политические идеи писателя представляют собой либеральную интерпретацию руссоизма, основанную на требовании свободы, соблюдении прав человека и юридического равенства.

Список литературы

- Битюгова и др., 1980 – Битюгова, И.А., Дубовиков А.Н., Дунаева Е.Н., Кийко Е.И., Лотман Л.М., Назарова Л.Н., Ступель А.М.). Примечания // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 4. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 554–685.
- Гершензон, 2000 – Гершензон М.О. Мысль и мечта И.С. Тургенева // Гершензон М.О. Избранное. Т.3. Образы прошлого. Москва-Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 541–631.
- Громов, 1991 – Громов В.А. Судьба «Записок охотника» // Тургенев И.С. Записки охотника. М.: «Наука» (Серия «Литературные памятники»), 1991. С. 532–580.
- Житова, 1983 – Житова В.Н. Из «Воспоминаний о семье И.С. Тургенева» // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1983. С. 30–75.
- Зеньковский, 2011 – Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проспект, 2011. 880 с.
- Ковалевский, 1983 – Ковалевский М.М. Воспоминания об И.С. Тургеневе // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1983. С. 134–148.
- Розанов, 1910 – Розанов М.Н. Ж.-Ж. Руссо и литературное движение концы XVIII и начала XIX в. Очерки по истории руссоизма на Западе и в России. Том I. Москва: Типография Императорского Московского Университета, 1910. 559 с.
- Руссо, 1968 – Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М.: Художественная литература, 1968. 775 с.
- Руссо, 1981 – Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. С. 19–592.
- Руссо, 2000 – Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М.: Канон-Пресс, 2000. С. 51–150.

- Скокова, 2005 – Скокова Л.И. И.С. Тургенев о правах человека в «Записках охотника». М.: Гелиос АРВ, 2005. 208 с.
- Толстой, 1984 – Толстой Л.Н. 132. БернарУ Бувье. 1905 г. марта 7/20. Ясная Поляна // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 тт. Т. 20. М.: Художественная литература, 1984. С. 582.
- Тургенев, 1978а – Тургенев И.С. (а). <Набросок автобиографии> // Тургенев И.С. ПСС и П в 30 тт. Соч. Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 401.
- Тургенев, 1978б – Тургенев И.С. Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 419–430.
- Тургенев, 1980 – Тургенев И.С. Муму // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 4. Сочинения. М.: Наука, 1980. С. 246–273.
- Тургенев, 1986 – Тургенев И.С. <Записка о крепостном праве> // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 12. М.: Наука, 1986. С. 531–547.
- Тургенев, 1991а – Тургенев И.С. Касьян с Красивой Мечи // Тургенев И.С. Записки охотника. М.: Наука (Серия «Литературные памятники»), 1991. С. 76–89.
- Тургенев, 1991б – Тургенев И.С. Гамлет Щигровского уезда // Тургенев И.С. Записки охотника. М.: Наука (Серия «Литературные памятники»), 1991. С. 182–200.
- Чернышевский, 1950 – Чернышевский Н.Г. Не начало ли перемены? // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 855–889.

THE PUBLIC IDEAL OF IVAN TURGENEV OF 1840-50S IN THE COLLECTION OF “A SPORTSMAN’S SKETCHES” AND THE STORY “MUMU”

Boris A. Prokudin

The article attempts to reconstruct the public ideal of Ivan Turgenev of 1840-50s. By analyzing the collection of “A Sportsman’s Sketches” and the story “Mumu” through the prism of Rousseau’s ideas, one can single out the main features of the social and political ideal of Turgenev on the eve of the Great Reforms. Sharing Rousseau’s original idea of the

“falling away of a man from nature” and the desire to return to “the original natural unity”, Turgenev came to opposite political conclusions: he opposed the “noble” liberalism to the republicanism of his teacher.

Keywords: Ivan Turgenev, “A Sportsman’s Sketches”, “Mumu”, Jean-Jacques Rousseau, “noble” liberalism, serfdom, Great reforms